

УДК 130.3: 159.9.01

Елена Яковлева

**РАЗМЫШЛЯЯ НАД ИДЕНТИЧНОСТЬЮ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ
ТРАНСФОРМАЦИЙ: ФОРМАТ ЭЛЕКТРОННОГО КОЧЕВНИЧЕСТВА**

Объектом исследования становится новый модус идентичности – электронное кочевничество, появление которого обусловлено интенсивным развитием высоких технологий. Новая форма идентичности обладает как позитивным, так и негативным потенциалами. С одной стороны, электронный мир помогает человеку, делая его мобильным, подвижным, оснащенным техническими устройствами. С другой стороны, благодаря электронике создаются множественные помехи и симулякры, заслоняющие собой реальную жизнь. Электронный кочевник теряет фундаментальные основания жизни, становясь бездомным, что усугубляет кризисность его существования.

Ключевые слова: идентичность, электронное кочевничество, путник, бездомность, рассеянная идентификация, скользящая идентификация.

Яковлева О.

**ROZMIRKOVUJUCHI NAD IДЕНТИЧНІСТЮ В УМОВАХ СУЧАСНИХ ТРАНСФОРМАЦІЙ:
ФОРМАТ ЕЛЕКТРОННОГО КОЧІВНИЦТВА**

Об'єкт дослідження складає новий модус ідентичності – електронне кочівництво, поява якого обумовлена інтенсивним розвитком високих технологій. Нова форма ідентичності володіє як позитивним, так і негативним потенціалами. З одного боку, електронний світ допомагає людині, роблячи її мобільною, рухливою, оснащеною технічними пристроями. З іншого боку, завдяки електроніці створюються численні переешкоди і симулякри, які заступають собою реальне життя. Електронний кочівник втрачає фундаментальні основи життя, стаючи бездомним, що посилює кризовість його існування.

Ключові слова: ідентичність, електронне кочівництво, подорожній, бездомність, розсіяна ідентифікація, плинна ідентифікація.

Jakovleva E.

**REFLECTING ON IDENTITY IN THE MODERN TRANSFORMATION:
ELECTRONIC FORMAT NOMADISM**

The object of research is becoming a new mode of identity – electronic nomadism, whose appearance is due to the intensive development of advanced technologies. A new form of identity has both positive and negative potentials. On the one hand, it helps the person to the electronic world, making it mobile, movable, equipped with technical devices. On the other hand, thanks to the electronics are multiple interference and simulacra, obscure the real life. Electronic nomad lose the fundamental basis of life, becoming homeless, compounding the crisis of its existence.

Key words: identity, electronic nomadism, traveler, homelessness, Broken identification, identification of moving.

Развертывание высоких технологий и появление гибридных культурных образований приводят к эрозии старых форм идентичности и рожают иную социокультурную среду, способствуя появлению *новых типов постсовременной идентичности*, нередко трудно поддающихся теоретическому осмыслению и вербализации. Бытие человека сегодня настолько зависит от электронно-технических устройств и их функционирования, способствующих появлению новых модусов существования, что ученые начинают анализировать процесс технологизации культуры и техногенности как мировоззренческого принципа, вводя понятия «техночеловек»/«техногенный человек». Усугубляют ситуацию, с одной стороны, очарованность идеологией потребления, приведшей индивида к одномерности и отчуждению от себя (*homo consumit – человек потребляющий*); с другой стороны, культ личности, связанный со стремлением показать только собственное Я. Все перечисленное приводит к актуализации культурной проблематики в современном социально-философском дискурсе, связанной с выявлением и определением новой формы идентификации человека.

Поиск идентичности современной личности, утратившей свои национальные/семейные и другие основания жизни, приводит нас к феномену *электронного кочевничества*. Предпосылки идеи кочевничества можно обнаружить в «Философических письмах» П. Я. Чаадаева и идеях Ж. Аттали. Сам термин «электронный кочевник» встречается в работе У. Митчелла «Я++: Человек, город, сети» (в оригинале – «ME++: The Cyborg Self and the Networked City»), написанной в 2003 г. Заимствуя термин, осуществим анализ новой формы идентификации личности.

Как известно, *кочевник – человек, ведущий постоянно/временно бродячий образ жизни*. Страсть к освоению/покорению нового пространства, поиск средств к существованию, специфическая деятельность (ученый, сезонный/дистанционный работник, артист и др.) и/или жажда приключений толкает личность к кочевничеству. Но человек, находясь в странствиях, оказывается *бесприютным*: в его бытии нет точки опоры в пространстве, связанной с привязкой к определенному месту, имеющему свой постоянный адрес. В этом отношении кочевник отличается от *путника*. Последний имеет привязанность к месту (адрес места жительства), а в его странствиях есть точка отправления и назначения (*откуда* и *куда*). Путник рационально выбирает свой путь в отличие от кочевника, в чьей жизни наблюдается непредсказуемость передвижения.

Одно из ключевых качеств кочевника – *бездомность*, что подчеркивает кризисность его бытия. Подчеркнем, для человека дом олицетворяет безопасное пространство и защиту, отождествляясь с семьей и местом, где можно укрыться, подумать, поведать о сокровенном и оказать гостеприимство. Первоначально ощущение бездомности дарит человеку неограниченную свободу, удовлетворяя тем самым его экзистенциальные томления, стремления и страсти. Но со временем *бытие-в-бездомности* со своей безграничностью пространства и отсутствием целевых установок приводит к пессимизму и разрушению ценностных оснований бытия.

Кочевничество связано с феноменом *дороги*, если брать шире – *жизненного пути* личности и судьбы. Дорога включает в себя маршруты странствий и вектор движения с перекрестками и остановками, неожиданностями в пути и приключенческой ситуацией неизвестности, что придает ей особый флер. Каждый человек – кочевник или путник – выбирает свою дорогу. Другое дело, *какова цель пути*, исходя из которой выбирается *вектор перемещения* в пространстве (вперед/назад, вправо/влево, вверх/вниз, топтание на одном месте/броуновское движение или их сочетание) и *способ перемещения* (постепенно/скачкообразно, медленно/быстро, правильно/с нарушениями и их различными комбинациями). При этом путь подразумевает не только количество метафизических дорог, но и их качество. Вспомним слова Конфуция, в которых утверждается, что только «человек способен сделать путь великим, но великим человека делает путь».

В новой форме идентичности кочевничество всеохватывающе: оно проявляется в мышлении, поступках и жизнедеятельности в целом. Кочевник нигде *не задерживается*: его мысли перескакивают с одной на другую; ни одно из дел/проектов он не доводит до конца; фокусируя внимание каждый раз на новом, личность свободно перемещается в пространстве социального, постоянно меняя место жительства/работу/окружение/пристрастия. Как пишет У. Митчелл, «в кочевом электронном мире я становлюсь двуногим терминалом, ходячим IP-адресом, а может, еще и беспроводным маршрутизатором в импровизированной мобильной сети», в результате чего «я вписан не в витрувианскую окружность, а в расходящиеся от меня круги электромагнитных волн» [1, с. 80]. Среди атрибутов современного кочевника обязательны только паспорт, кредитка и переносное электронное оборудование, помогающие его автоматическому идентификации.

Современное качество кочевника, выделенное нами в понятии *электронный*, требует прояснений. Электронный мир, имеющий сегодня цифровое и аналоговое воплощение, включает в себя расширяющуюся и миниатюризирующуюся техническую инфраструктуру (сеть, беспроводные технологии, спутниковое и цифровое телевидение, видео, Интернет, CD-Ромы, электронную почту, мобильные медиа, оптику, навигаторы и др.), разнообразие которой множится, смешиваясь/комбинируясь/гибридируясь/анатомизируясь/обновляясь с космической скоростью и захватывая все большее пространство, тем самым способствуя формированию *глобального электронного мышления*. Электроника рождает новую логику децентрализованного и удаленного производства, где операции выполняются на большой скорости посредством поиска, обмена, коллажирования и сэмплирования, что, завораживая личность, приводит к *электронной зависимости*. Последняя выражается в невозможности существования/проявления индивида без определенного набора гаджетов и манипуляций ими. В свою очередь и электронные технологии способны управлять жизнью человека, используя в качестве мощного орудия манипуляции сознанием и поведением людей, становясь средством тотального наблюдения и системой, хранящей персональные данные, «выращивая» эмоции в рамках реалити-шоу, тем самым *покушаясь* на свободу человека и нарушая его права. Согласимся с У. Митчеллом, написавшим, что «миниатюризация электронных устройств и увеличение количества цифровой информации радикально поменяла отношения людей со средой обитания и друг с другом»: люди оказываются неотделимыми «от все более изощренных электронных органов», а «тела теперь находятся в состоянии непрерывного электронного взаимодействия с окружающей средой», вследствие чего размываются «границы пола, расы и даже биологического вида» [1, с. 9; 84]. В итоге появляется новый метафизический принцип: «я – часть сетей, а сеть – часть меня... Я на связи – значит я существую» [1, с. 85].

Окружающее пространство начинает ситуативно мимикрировать, становясь многофункциональным: «столлик в кафе может стать читальным залом библиотеки, лужайка в тени деревьев – дизайн-студией, а вагон метро – залом кинотеатра» [1, с. 211]. Вокруг человека создается электронный микроландшафт, одновременно зависящий от хозяина, помогающий и мешающий ему. Не в последнюю очередь объясняется подобное двусмысленностью пространства электроники. С одной стороны, оно основано на сочетании реального и нереального (искусственного/цифрового/аналогового). С другой стороны, внутри созданного

электронного пространства мы обнаруживаем очередное совмещение реального и искусственного, что в целом говорит о сложности и непредсказуемости электронного мира. Неслучайно У. Митчелл, давая характеристику современным техническим устройствам, называет их, в том числе, *электронными паразитами*.

Электронный кочевник – это человек, не имеющий границ и различий (национальных, государственных, возрастных, половых, профессиональных и пр.), потому что в сетях подобные характеристики нивелируются, становясь несущественными. Он – *пользователь*, и это качество обуславливает его ключевую потребность – *иметь доступ к сети* и компьютеру, осуществляя постоянный, виртуальный контакт, нередко *неважно с кем*. Отсутствие сети и гаджета повергают его в панику и стресс, он теряется в бытии, превращаясь без них в Ничто.

Современная электроника, реализуя человеческую потребность в общении, создает и ее *динамичную иллюзию*, связанную с анонимностью, отчужденностью, манипулятивностью и ложью. Личность конструирует в сети удобное пространство *о себе* (подчеркнем, нередко мифизированное и симулятивное), становящееся главенствующим, что способствует дистанцированию от реальности. Еще одним жестом отчуждения от социума является множественная электроника для глаз и ушей, применение которой гарантирует личности ситуацию *присутствующего отсутствия*. Условно-созданная реальность формирует динамично-непредсказуемое пространство с людьми, нередко настолько *включенными в виртуальность*, что они никогда не выходят из нее, создавая *иллюзию бытия в реальности*. При этом динамичность микрокоординаций в иллюзорной среде снимает необходимость личного присутствия в ситуации, рождая парадоксальную двойственность, связанную, с одной стороны, с *присутствующим отсутствием*, а, с другой стороны, появляется эффект *отсутствующего присутствия*, что становится показателем отчужденности и невключенности в реальное бытие. Нередко отчужденность выступает для электронного кочевника в качестве защитного механизма от кризисной/проблемной реальности, обнажая его инфантильность, интерпассивность и отсутствие самодостаточности/самостоятельности. В итоге временное дистанцирование от ситуативной действительности приводит к тотальному отчуждению, в том числе, от себя – своего тела/имени/статуса/пола.

В электронном кочевнике явственно проступают черты техночеловека, трансчеловека и постчеловека: вид из компьютерного/телевизионного/камерного окна «можно назвать «постгуманистическим», поскольку он уже не соответствует человеческому глазу, а производится с помощью технического оборудования» [2, с. 279]. Напичканный высокими технологиями, кочевник закрывается/уходит от реальных ситуаций, становясь непроницаемым для человеческих эмоций и проявлений, тем самым переключая себя в русло постчеловечности, что входит в противоречие с российской ментальностью, для которой характерны коллективизм, солидаризм и культура соучастия.

Внутри электронного кочевничества можно выделить еще две разновидности *личной идентификации*: рассеянная и скользящая, негативно сказывающиеся на коллективной идентичности и ее осознании. Ключевой характеристикой *рассеянной идентичности* является то качество, что, обладая ею, не желает определяться и внимательно относиться к своим связям в бытии, что обусловлено анонимностью электронного кочевничества и неумением сосредоточиться. Потоки быстро меняющейся информации приводят к рассеянному состоянию сознания, не умеющим сосредотачиваться на одном объекте, и мозаичности мышления. Об этом говорит жизнь в гипертекстовом формате, связанная с умением переключать каналы/внимание, перестраиваясь и не вникая в очередной блок информации/ситуации. Человек с рассеянной идентичностью не собран: он игнорирует традицию, забывает об исторических связях, невнимательно относиться к настоящему, не видит обозримое будущее, теряя способность анализировать и прогнозировать. Свою причастность к группе личность не желает признавать/осознавать, но при этом она присутствует в ее бытии в бессознательной форме, ярко проявляясь в особых ситуациях, требующих культуры соучастия и эмпативности, высвечивая приобщенность к государству/народу/истории. Наиболее показательными ситуациями *временного выхода* из состояния рассеянности можно назвать трагические события, культурные/спортивные достижения, национальные праздники, связанные с единением людей (например, День Победы). В остальных случаях индивид буквально распыляет/уничтожает свои связи, не желая ни каким образом их обнаруживать.

Для проявления *скользящей идентичности* характерны подвижность/нестабильность вокруг/вдоль своей идентичности, что является так же негативным. Личность не сфокусирована на осознании коллективной идентичности, плавно съезжая в сторону расплывчатой/меняющейся индивидуальной идентичности. В любой момент она способна быть Другой, даже – вероятностной, что оказывается возможным благодаря высоким технологиям. В проявлении рассеянной/скользящей идентичности нет магистральной линии развития, что негативно влияет на духовную целостность человека. В повседневной жизни личность, обладающая рассеянной/скользящей идентичностью, ярко позиционирует и проявляет другой модус своей идентичности – *нарциссизм*, требующей для Я комфорта и наслаждений. Перечисленное рождает зыбкость и неустойчивость бытия, в контексте которого коллективная и индивидуальная идентичности оказываются постоянно изменяющимися/не фиксированными, что негативно сказывается на развитии России [3].

Современной формой идентичности выступает электронное кочевничество, создающее иллюзии реального бытия и симулякры, размывающие границы между действительным и искусственным. Электронного

кочевника можно назвать *химеричной личностью*. С одной стороны, сочетание естественного и искусственного рождает нечто новое в нем самом, его субъективной и объективной жизни. Место реального пространства начинает занимать иллюзорно-ирреальное, становящееся более притягательным, но при этом уводящим от феноменологической действительности с ее проблемами, требующими решения и ответственности за них. С другой стороны, электронный кочевник замещает себя масками/аватарами, наделяя их чертами, не присущими пользователю, тем самым позиционируя пустой вымысел/ложную идею, отчужденную от автора. Кочевник, конструируя модель самого себя и своего бытия, совмещает в ней разнородный материал, нередко не совпадающий с ним в реальности. Перечисленное приводит к *мозаицизму* личности, расщепляя *Я* на множество *Я*, что рождает огромное количество проблем, связанных с метафизикой человека (в том числе, появление мультифрении). Он теряет свою целостность, оседлость и привязанность к чему-либо, не имеет ценностных ориентиров, не способен осуществлять смысложизненный поиск и проявлять гражданскую позицию.

Рефлексивность над сложившимися обстоятельствами поможет кочевнику *переродиться* в *электронного путника*, имеющего точку своего отправления и возвращения – Россию как позитивный образ Родины, конкретную траекторию движения и цель. Кочевник, сохраняя критический взгляд на мироздание и рациональность мышления, должен понимать диалектику того, что и человек формирует технологии, и технологии формируют его. Осознание этого способствует гармонизации и равновесности жизни в условиях перманентных кризисов не только отдельной личности, но и общества в целом.

Литература:

1. Митчелл У. Я++ : Человек, город, сети / У. Митчелл. – М. : Strelka Press, 2012. – 328 с.
2. Маккуайр С. Медийный город : медиа, архитектура и городское пространство / С. Маккуайр. – М. : Strelka Press, 2014. – 392 с.
3. Гузенина С. В. Образ Родины в матрице коллективной российской идентичности / С. В. Гузенина // Социально-экономические явления и процессы. – 2016. – Т. 11. – № 1. – С. 126–131.